

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

ПОПАДАНЕЦ ВО ВРЕМЕНА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский
Без вести пропавший.
Попаданец во времена
Великой Отечественной войны
Серия «Попаданчество»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70315840

*Без вести пропавший: попаданец во времена Великой Отечественной войны / Юрий Корчевский: Феникс; Ростов-на-Дону; 2024
ISBN 978-5-222-39170-9*

Аннотация

По неточным данным, в Красной армии во время Великой Отечественной войны пропали без вести от 2,4 до 5,6 млн военнослужащих. Кто утонул на переправе в ледяной воде, кого разорвало снарядом, кого засыпало землей в раздавленном танком окопе, а кто и вовсе сторел в подбитом танке...

Ну а горше всего пришлось тем, кто сгинул в немецких лагерях. Но как бы там ни было, родным и близким всех этих людей полетели извещения: «Ваш муж ... уроженец ... находясь на ... фронте, пропал без вести ... дата». И подписи командира, комиссара и начальника штаба. И никакого вспомоществования,

положенного семьям погибших воинов. И годы, годы, годы
неизвестности...

Содержание

Глава 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Юрий Корчевский
Без вести пропавший.
Попаданец во
времена Великой
Отечественной войны

© Корчевский Ю., текст, 2021

© ООО «Феникс», оформление, 2024

Глава 1

Если завтра в поход

После окончания десяти классов перед Михаилом Прилучным и всей его семьей встал вопрос: что дальше?

Отец хотел дать сыну хорошее образование. Но с 1 сентября 1940 года вводилось платное обучение для школьников с восьмого по десятый класс, как и для учащихся педучилищ, студентов техникумов и институтов. И плата, особенно по меркам сельских жителей, немаленькая. Для Москвы и Ленинграда – 200 рублей в год, для остальной страны – 150. А где их взять, если в колхозах зарплата в трудоднях – палочках в книге учета, за которые ничего не получишь?.. Мало того, еще надо сдать налоги натурой: молоком, яйцами, мясом, даже если не держишь ни корову, ни кур. Выход один: в военное училище, где обучение бесплатное, да еще и форма, питание, проживание за казенный счет. Правда, туда еще надо поступить, но с аттестатом и здоровьем у Михаила полный порядок, так что все должно пройти гладко...

На том и порешили. Сунулись в райвоенкомат, а разрядка только в Горьковское зенитно-артиллерийское училище. После семи классов обучение – три года, а после десяти – два, потому как артиллерист должен быть в ладах с математикой, физикой, механикой.

Военные училища были в Саратове, рядом, совсем рядом: и две танковые школы, и школа пилотов ВВС РККА, и училище погранвойск ОГПУ... Да вот только разрядки туда не было. Ну что ж, сами виноваты, спохватились поздно: кто дальновиднее, еще с зимы обивали пороги военкомата, брали ходатайства от комсомольских организаций. Хотя, конечно, чем артиллерист хуже танкиста или пограничника?.. В старые времена и вовсе считалось, что артиллерийский офицер – образованный, умный человек, не чета пехоте и кавалерии. Сейчас, правда, офицеров нет, есть командиры, но суть та же. Решили: поступать!

Медкомиссию Михаил прошел успешно, здоровье без изъянов. И уже через несколько дней команда из восьми человек поездом отправилась в Горький.

Михаил – подросток еще. В большой город и хочется, и колется. С одной стороны, уйти в армию значит вырваться из колхоза, ибо на селе паспортов нет, а без них в городе на работу не возьмут, общежитие не дадут. А с другой стороны, с друзьями по школе, по селу расставаться не хочется... Но мир велик, манит молодого человека неизведанным. Сидеть всю жизнь в деревне, пусть родной, знакомой до последней былинки?.. Нет, видно, придется покинуть родной маленький мирок и отправиться в огромный, незнакомый, но открытый советскому юноше мир.

Проживал Михаил в Республике немцев Поволжья. Еще в 1762–1763 годах Екатерина II пригласила жителей евро-

пейских стран поселиться на берегах Волги, обещала земли плодородные дать и не обманула. Приехали в основном немцы, аж 25 600 человек. К началу XX века насчитывалось уже 190 немецких поселений с населением в 407,5 тысяч человек. Причем жили также в этих поселениях и русские, и украинцы, и люди других национальностей. В 1939 году немцев в Поволжье насчитывалось 379 685 человек, русских – 156 027 человек, украинцев – 58 248 человек. Официально центр республики сначала был в Саратове, затем – в Маркштадте, а после этого – в городе Покровске, поблизости. В 1931 году Покровск был переименован в Энгельс в честь Фридриха Энгельса, соратника Карла Маркса, основоположника теории коммунизма.

Немцы и русские мирно уживались в республике, ходили в гости друг к другу. Дети свободно говорили и писали и на русском, и на немецком языках. И Михаил выучил немецкий самостоятельно, говорил бегло, в школе получал отличные отметки... Язык-то он знал, но не знал тогда, как выручит его это знание!

Курсантов в казарму поместили, форму дали, показали, как подворотнички подшивать. Для парней городских рано вставать непривычно, а физподготовка вообще в ужас приводила. Подтягивание на турнике да «солнце» покрутить, потом марш-бросок на пять километров в любую погоду. Некоторые пожалели, что захотели стать военными.

Через месяц после первой стрельбы из винтовок – при-

нятие присяги. После нее праздничный обед, отличавшийся от повседневного белой булочкой к чаю. А потом – учеба с утра до вечера. И штатские науки изучали: математику, геометрию, физику и прочие предметы; и военные: материальную часть зенитных орудий и пулеметов, приборы ПУАЗО, прожектора зенитные, приборы ВНОС – воздушного наблюдения, оповещения и связи. Училище только получило новейшее, самое мощное на то время зенитное орудие – 85 мм образца 1939 года, 52-К, на лафете из четырех колес. Такие не в каждом зенитном полку еще имелись. Чаще всего встречались 37-миллиметровые автоматические пушки, копии немецких лицензионных, да счетверенные зенитные максимы. Пушка 52-К была единственной, чьи снаряды могли достичь высоты 10 230 метров. И выпускались пушки в подмосковном Калининграде, на заводе № 8.

Военные предметы Михаилу нравились. Он даже по собственной инициативе оставался после занятий в классах, изучал до винтика материальную часть. Механика точная, сложная, работает мягко. А уж когда стрельбы начались, буквально влюбился в пушку. Колеса на резиновом ходу, правда, на литой резине, без пневматики. Такие могут выдержать мощную отдачу пушки, не повредятся в бою осколком. Одна беда – скорость транспортировки на них мала, не больше тридцати километров, рассчитана на тягу тракторами, вроде «Сталинца». Так и он – копия американского «Катерпиллера».

Год пролетел быстро, после сдачи экзаменов – практика в войсках, затем должны быть каникулы. Если первое время в Горьком Михаил скучал по семье, по братьям, письма писал часто, то уже к весне привык, и отец пенял иногда, что весточек давно не было. На практику курсантов раскидали по полкам. Да и сами батареи далеко друг от друга, поскольку главная цель зенитчика – прикрыть от воздушного противника. Одна батарея придавалась пехотному или танковому батальону либо стратегически важному объекту – мосту через реку, складу с вооружением или горючим, военному производству. И получалось, каждая батарея как отдельная воинская часть.

В 1939 году, после заключения пакта Молотова-Риббентропа, западные границы СССР отодвинулись где на двадцать, а где и на двести километров. Старая линия обороны, прозванная линией Сталина, оказалась в глубоком тылу. С нее сняли вооружение, законсервировали сооружения: ДО-Ты, капониры, колодцы для воды, – вывезли запасы продовольствия. А новая линия лишь проектировалась. Дело это небыстрое: инженерам надо местность изучить, сделать геодезическую съемку, определить наиболее вероятное место прорыва. Там и форты ставить, причем так, чтобы они могли взаимно помогать друг другу, простреливать соседние секторы. Да при этом надо еще найти грунты, на которых можно каменные строения воздвигнуть! Известное дело, в Белоруссии рек, речушек и ручьев полно, как и болот. В таких

местах строить невозможно. Хотя и танки в таких местах не пройдут, завязнут. А без танков любое наступление захлебнется.

Михаил попал в Западный особый округ, под Кобрин. До Варшавы две с половиной сотни километров, до границы – всего пятьдесят. В батарею вместе с Прилучным попал еще один курсант их училища – Володя Курноскин. Не сказать, чтобы парни дружили, Володя был из другого учебного взвода, но все же с одного курса. Михаила и Владимира определили в разные расчеты орудий, и начались ежедневные практические занятия. Старший лейтенант, командир батареи со смешной фамилией Куцый, давал вводные и включал секундомер. Например, пушку следовало перевести из походного положения, когда она на четырех колесах, в боевое. Колеса поднимаются, и пушка лежит лафетом на земле, чтобы отдачу заземлить. Пушка получилась путем наложения 85-миллиметрового ствола на стальной лафет 76-миллиметрового орудия образца 1938 года.

Перевод по нормативам должен был занимать одну минуту и двадцать секунд. В действиях принимали участие все семь номеров орудийного расчета. Командир батареи смотрел на секундомер и кричал:

– Плохо! За это время вражеские бомбардировщики успеют всю колонну на марше раздолбать! Повторим еще раз!

Что бомбардировщики будут немецкие, не говорили. После договора Молотова-Риббентропа по радио и в газетах

твердили: у СССР мир с Германией, войны не будет. Когда взводы шли с позиций в столовую или казарму, дружно пели:

*«Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!»*

И политруки зачитывали газеты и пропагандистские материалы, что Германия не враг, у нас торговые отношения. Поезда и впрямь по железной дороге шли через Брест в захваченную немцами Польшу, а дальше в Германию. И лескругляк везли, и пшеницу, и многое другое.

Но батарейцы-зенитчики почти ежедневно наблюдали, как с сопредельной стороны залетали немецкие самолеты. Посты наблюдения в оптику четко видели черные кресты на плоскостях. Да и звук моторов немецких самолетов отличался от наших СБ или ТБ-3, как и очертания. Немцы пролетали вглубь нашей территории, через какое-то время возвращались. По специальным плакатам зенитчики уже и модели самолетов различали: «Юнкерс-52» летит, трехмоторный транспортник или «Хейнкель-111». Комбат от увиденного зубами скрипел:

– Неужто товарищ Сталин не знает?!

Политрук батареи как-то услышал, резко оборвал.

– Товарищ Сталин все знает! Кому надо – докладывают. Значит, так надо! Как там в песне поется?

– Красная армия всех сильнее!

– Вот! Так и думай, и мозги не морочь ни себе, ни другим.

Будет приказ – любого противника одолеем, как японцев на Халхин-Голе.

И назидательно поднимал указательный палец.

На тренировках номера расчетов менялись между собой, вырабатывая все навыки. Заряжающий становился замковым, наводчик – вместо трубочного. Трубочный или снарядный специальным ключом устанавливал на взрывателе снаряда время горения запала. От этого зависела высота взрыва снаряда. Командир орудия получал сведения на ПУАЗО: высота цели, дальность, скорость. Передавал трубочному время. Тот ключом поворачивал кольцо на взрывателе и передавал патрон заряжающему.

В артиллерии пушки малых и средних калибров имели унитарный патрон, то есть гильзу вместе со снарядом, а вот пушки крупных калибров, 150-мм и выше, имели раздельное зарядание. Сначала в казенник орудия подавался снаряд. И вес его мог быть от сорока до двухсот килограммов у крепостной артиллерии. Следом – гильза с порохом. Иначе никак, иной снаряд четверо на специальных носилках несли, а если еще и гильзу с порохом добавить, то кран подъемный нужен. И краны такие были, особенно у немцев на осадных орудиях, типа «Дора» или «Берта».

Замена одного номера расчета позволяла в бою при ранении или гибели бойца не прекращать огонь, пусть и снизив

темп. За три недели практических занятий Михаил прошел через все должности, узнал много нового.

Вечером 21 июня почти вся батарея, за исключением караулов, направилась в клуб смотреть новый фильм «Светлый путь» с Любовью Орловой в главной роли.

Посмотрели кино, вышли, многие закурили. Михаил не курил, получал вместо табака карамельки. Но таких, как он, в батарее было всего несколько человек... Покурили, построились, в казарму вернулись, прозвучала команда «отбой». Михаил быстро отключился, но почему-то сны пришли тревожные, неясные, снилось не пойми что. Даже не снилось, а так, какая-то беспросветная тьма давила, и никуда от нее не деться.

В четыре часа утра многие проснулись от громкого звука множества летящих самолетов, причем не наших, а немецких. Звук шел с запада на восток. Нарушали границу и прежде, но одиночные самолеты, а сейчас – десятки, волна за волной!

Михаил проснулся в смятении: с одной стороны, хорошо, что пропал ночной кошмар, а с другой...

А с другой – ничего хорошего. Как был – в кальсонах и босиком, – он выбежал мимо дневального на крыльцо казармы. А что ночью в небе увидишь? Гул моторов четко слышен, а видимости нет. На батарее зенитных прожекторов нет, они на несколько километров могут цель воздушную засветить. И аэростатов заграждения не было. Живьем аэростат, эда-

кую маленькую копию дирижабля без моторов, Михаил видел один раз в училище зимой.

К Михаилу еще несколько бойцов присоединились, все напряженно то смотрели в небо, то переглядывались меж собой... Сигнал «Воздушная тревога» все не поступал, и ребята вернулись в казарму. Но отдохнуть им было не суждено.

Через несколько минут дневальный закричал.

– Тревога! Батарея – подъем!

Шум, топот ног. В казарме зажегся свет и сразу погас. Дневальный открыл замок на пирамиде. Бойцы хватали винтовки, стальные шлемы и выбегали на улицу. Там уже ждали командир батареи и политрук.

– Стройся!

Построились, командир объявил приказ по Западному военному особому округу о начале военных действий против вероломно напавшей на СССР Германии.

– Занять места по штатному расписанию! – приказ комбата.

Уже позже Михаил понял: зря. Надо было переместить пушку на запасные, заранее подготовленные позиции. И были они, капониры, вырытые солдатскими руками. Побежали к позициям. Вскоре со склада привезли на грузовике зенитные снаряды. У 85-миллиметровой пушки номенклатура снарядов большая. Зенитные, осколочные, бронебойно-трассирующие, бронебойно-трассирующие подкалиберные. И по самолетам можно стрелять, и по танкам, и по пе-

хоте... Немного позже такая пушка стала основой для танковых пушек Т-34, КВ-85, ИС-1 и самоходки СУ-85, но это уже другая история.

Кроме того, батарею можно было действовать только днем, благо летняя ночь короткая, уже светало. Упиралось все в отсутствие прожекторов. В основном прожекторами снабжалась не армия, а войска ПВО, прикрывающие города и крупные промышленные объекты. Своя специфика. Войска на фронте редко бомбили ночью, а город имеет большую площадь, и если бомбардировщик сбросит бомбы не прицельно, все равно они нанесут ущерб, окажут моральное воздействие. Поэтому зенитные прожектора нужнее и полезнее вокруг городов.

Позиции у пушек заняли, снаряды в ящиках растащили по капонирам. Наблюдатели с дальномерами за небом смотрят. Дальномер – оптический прибор, позволяющий определить дальность до цели и азимут.

Наступило затишье, первая волна немецкой авиации ушла далеко на восток. Не хотелось думать, но сами в голову лезли мысли, что где-то в глубоком тылу сейчас летят бомбы на наши стратегические объекты, а мы, зенитчики, для чего здесь?.. Воины тихо переговаривались, но понимали, что дисциплина прежде всего. Будет приказ – будем воевать. Никто не паниковал, все спокойно ждали приказа, стараясь верить, что разгром врага будет быстрым и беспощадным...

Приказа пока не было, но политрук обошел позиции, ска-

зал, что в полдень будет транслироваться речь Молотова по радио.

Радио в батарее не было, зато была радиостанция для связи с командованием дивизиона. По распоряжению политрука от каждого расчета надо было выделить по военнослужащему, который прослушает речь и перескажет сослуживцам. Все удивились еще, почему речь произносить будет Молотов, а не сам товарищ Сталин. Молотов хоть и ближайший соратник Сталина, а все же Иосиф Виссарионович – первое лицо страны и правительства.

Но все надеялись, что в полдень прозвучат главные слова, а пока – летят к границе наши доблестные соколы на самолетах, грузятся в вагоны и на платформы танки и пехота, и с часу на час придут подкрепления к Бресту и другим городам, нанесут мощный удар и уже завтра погонят германцев от нашей границы. Ведь доктрина наша – воевать малой кровью и бить врага на его территории! В училище это вбили в голову прочно.

Михаил даже немного расстроился. Ну вот! Придут войска, разгромят врага, а он не успеет и поучаствовать, беда какая... Но и радость скрытая была: ведь многие курсанты попали в округа, далекие от границы – Сибирский, Уральский. Уж им-то точно не повезет поучаствовать в боях. Михаил же надеялся не только повоевать, но и награду заслужить. Вон же писали в газетах о награжденных за бои в Испании, на Халхин-Голе. И подписывались солидно: орден-

носец Петров.

День воскресный, да еще и праздник церковный – День всех святых, в земле Русской просиявших. Да только омрачен германским нашествием. Никто предположить не мог, что немцы двинули против СССР 190 дивизий практически по всей линии границы, от Баренцева моря до Черно-го. Вторглись пять миллионов военнослужащих вермахта и люфтваффе, а еще и союзники: румыны, итальянцы, венгры, словаки... А затем в войну включились и финны. Они с самолетов ставили мины на Балтике, стараясь блокировать советский флот в Кронштадте, вели разведку. Потерпев поражение в зимней войне годом ранее, они хотели вернуть утраченные территории.

В первый же день, по неточным данным, погибли 16 тысяч советских людей. Заставы пограничные еще вели упорные бои, но оказались в окружении, как и Брестская крепость. Войска немецкой второй полевой группы армий «Центр» по захваченным мостам выше и ниже по течению от Бреста прорвали оборону советской четвертой армии и двигались в глубь территории. План «Барбаросса» предусматривал выход немецких войск к Москве уже через неделю после начала войны.

Через час томительного ожидания пост наблюдения доложил, что видят большую группу самолетов, приближающихся с западной стороны. Теперь командир ждал доклада дальномерщика. Минута, вторая, пятая. Наконец доклады-

вает азимут и предполагаемую высоту. Тут же следует приказ:

– Трубочным – установка три, заряжай.

Началась боевая работа!

Трубочные установили взрыватели, передали патроны заряжающим. Дружно лязгнули затворы. Теперь наводчики ждали команды. Уже невооруженным глазом, без оптических приборов видны бомбардировщики. По характерному силуэту крыльев в виде обратной «чайки» опознали Ю-87. Машина тихоходная, но прославилась точной бомбардировкой с пикирования, а еще тем, что на пикировании пилоты включали сирены. Ни один другой бомбардировщик люфтваффе сирен не имел. Установлена сирена на левой стойке неубираемого шасси. За большие обтекатели колес эти бомбардировщики прозвали «лаптежниками». Немцы же называли «штуками». Сирена своим воем сильно действовала на нервы, особенно гражданского населения. Люди выскакивали из окопов, бомбоубежищ, начинали метаться, попадая под осколки.

Наводчики уже поймали самолеты в прицелы, ждали команды на упреждение. Если прицелиться и выстрелить по самолету, будет гарантированный промах. Снаряд зенитки поднимается на высоту несколько секунд, за это время самолет пролетает значительное расстояние – десятки метров. И снаряд взорвется далеко позади, не причинив ущерба. Да и главная цель зенитчика не столько сбить, сколько заставить

врага отказаться от атаки, сбросить бомбы и повернуть назад. Стоит поставить заградительный огонь – сразу залпом всех орудий, чтобы взорвались впереди самолетов. Когда рядом, перед носом разрывы, огонь, дым, по обшивке осколки бьют, не у всех хватит смелости выдержать курс, не свернуть.

И вот уже следует команда.

– Упреждение два! Товсь!

Наводчики подправили наводки, положили руки на рычаги спуска.

– Огонь!

Одновременно залпы четырех пушек! Все смотрели вверх. Будет попадание или нет? Что плохо – перед стрельбой убрали маскировочные сети, а сейчас обнаружили себя огнем и дымом. И если ведущий засек или его штурман, то обязательно последует бомбардировка. Три снаряда разорвались впереди, не причинив вреда, а один недалеко от ведущего. Самолеты шли косым клином, ведущий от неожиданности немного отвернул, строй нарушился.

– Заряжай! Установки прежние! Беглый огонь три снаряда на ствол.

Это уже стрельба без команды, по готовности. Не зря командир батареи гонял бойцов каждый день, явно по Суворову – тяжело в учении, легко в бою! Так и получилось. Работали слаженно. Выстрелы следовали один за другим. Чтобы не оглохнуть, все артиллеристы открывали рты. Со стороны, коли незнакомый с артиллерией посмотрит – смешно.

Сбить и сейчас никого не удалось, но четкий строй самолетов распался. Одни стали набирать высоту, другие – маневрировать, опасно сближаясь друг с другом. Видимо, ведущий отдал приказ, потому что от группы самолетов отделились три «лаптежника» и прямым курсом направились к батарее. Батарея сделала залп – опять мимо. А в пикирующий на зенитку самолет попасть вообще нереально, он выглядит точкой, площадь мала.

Командир отдал приказ единственному на батарее крупнокалиберному пулемету открыть огонь. На малых высотах он позволяет быстро переносить огонь, и плотность его высока. Пулеметчики патронов не жалели, короткие очереди следовали одна за другой. Один пикировщик задымил, сбросил на лес четыре бомбы и отвернул в сторону. Батарея дружно заорала:

– Ур-ра!..

Юнкерс завершил вираж и улетел на запад, а остальная группа проследовала прежним курсом. Сержант Ямщиков, командир орудия, процедил:

– Не иначе на Минск полетели, сволочи!

Его слова шокировали. Минск? Эдак могут и до Москвы добраться. Была еще надежда у зенитчиков, что бомбардировщики перехватят наши красные соколы, ведь наши самолеты – лучшие в мире, вон как разгромили японских самураев!

В полдень представители от каждого орудия собрались у

радиостанции. Нарком иностранных дел Молотов произнес короткую речь: Германия без объявления войны вероломно напала, но СССР даст достойный отпор.

Речь слушали во всех городах и селах всех республик Союза. Женщины плакали, мужчины, особенно молодые, решили идти в военкоматы, чтобы отправиться добровольцами на фронт... Всех вдохновили заключительные слова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Прослушавшие речь как могли пересказали содержание сослуживцам. Несколько минут осмысливали. Слишком неожиданным был переход от мирной жизни к войне.

Время обеденное. Только приступили к приему пищи, как объявили тревогу. Заняли места у пушек. На этот раз на запад пролетели три наших ТБ-3, уже морально устаревших, тихоходных. И без всякого истребительного прикрытия. Сержант Ямщиков сказал:

– А истребители наши где?.. Собыют же бомбовозов!

И как в воду смотрел. Появились две пары немецких истребителей, играючи, как в тире расстреляли один бомбардировщик, он задымил, загорелся. Что произошло дальше – неизвестно, самолеты скрылись за деревьями.

Вскоре примчался пропыленный мотоциклист из штаба корпуса, привез пакет комбату. Тот прочитал, нахмурился, потом отправил две трехтонки ЗИС-5, прозванных «захарами», на склад. Вернулись они к вечеру. Зенитчики выгружали ящики, укладывали их в укрытиях, вырытых в земле

недалеко от пушек. Так много боеприпасов на батарее еще никто не видал. Обычно на учениях на каждое орудие выделяли один-два ящика, а сейчас – два штабеля. Оно и понятно, патроны стоят денег. Пушка 52-К стоила в 1940 году 118 тысяч рублей – половину стоимости танка Т-34, новейшего на то время.

До конца дня зенитчики видели еще один раз пролетающую группу самолетов, но она была далеко, на пределе досягаемости снарядов, и командир приказа открывать огонь не отдавал.

Так и закончился первый день войны, поступила команда «отбой». Михаил улегся в смутном настроении: вроде бы принял боевое крещение, не сплоховал, да и вся батарея действовала неплохо... Но как-то не отпускало предчувствие, что самое тяжкое – впереди.

Утром после подъема он немного удивился: на небе ни облака, солнце ярко светит, а слышно гроыхание, вроде как гром отдаленный. Остальные тоже головами удивленно крутили, пока старшина батареи не сказал:

– Дурни! Не гром это, а канонада. Пушечный бой идет. Километров восемь-десять до него.

Непонятки. Пара часов неспешной ходьбы или десять минут езды на машине. Всего ничего. И что это значит?..

Сначала Михаил подумал: наши войска собрали артиллерийский кулак и громят разведанные цели врага. Но сомнения были. Это сколько пушек собрать надо, чтобы учинить

такой грохот?!

Позавтракали, а грохот все сильнее. Обеспокоенный комбат послал на разведку сержанта на мотоцикле. Тот примчался уже через полчаса, сильно взволнованный, доложил командиру, что видел немецкие танки.

«Серые, большие, кресты на башнях!»

Комбат засомневался. Откуда взяться танкам в опасной близости? Наши войска должны дать бой агрессору, остановить, разбить! Комбат сам решил убедиться, оседлал мотоцикл и умчался. В это время из крытого кузова полуторки выпрыгнул радист.

– Бойцы! Где комбат? Его срочно на связь требуют!

Вместо комбата в кузов забрался политрук. Через десяток минут выбрался взволнованный. В это время на позиции батареи буквально влетел комбат. Заглушив мотор, закричал.

– Командиры орудий! Ко мне!

Бойцы уже стали сами подтягиваться к капонирам с пушками. Происходило явно нечто чрезвычайное. Уже через минуту командиры орудий бежали к пушкам.

– Приготовиться к наземной стрельбе, отражению танковой атаки! Зарядить бронебойными!

А бронебойных снарядов – всего по ящику на пушку. Никто предположить не мог, что зенитные пушки будут использоваться не по назначению. Противотанковые пушки – приземистые для малозаметности и имеют броневой щит как защиту от пулеметного огня из танков. Зенитки на тумбе – вы-

сокие, щита нет. Не для наземного боя. Но приказ есть приказ!

Командир развернул активную деятельность, на склад боепитания отправил два грузовика со старшиной во главе, велел без бронбойных снарядов не возвращаться. Машины укатили, оставшиеся батарейцы изготовились к стрельбе. Напряжение росло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.